

Автор представляемого дневника, Андрей Андреевич Барташевич / так - в документах, правильно - Бартошевич/, 1899 - 1949 гг - ленинградский театровед. С 38-го по 14.VII.41, по ликвидации в связи с войной - Зав. литературной частью Ленинградского Театра драмы и комедии. С 40-го по ^{сентябрь} ~~лето~~ 42-го работал в Управлении по делам искусств Исполкома Ленсовета зав. отделом ИЗО. В 43-м мобилизован в армию. После демобилизации в 45-ом - оргсекретарь Ленинградского Союза Советских Художников /ЛССХ/, в 46-ом - 47-ом - завлит Театра комедии, у Акимова. С 47-го по 10.I.49 - до смерти - директор Театрального музея.

Дневник охватывает часть блокады с ^{пятичасовой субботы} 4/IV 42, с первой блокадной весны, до лета 43-его, до мобилизации А.А. в армию. Стало быть: период выхода из страшной зимы 41 - 42, времени смертей последних дистрофиков, наступление лета 42-го - огороды, осень-зима 42-43-го, прорыв блокады, ожесточенные обстрелы и бомбежки того года и следующая весна. Таков фон В дневнике, общий объем которого 220 рукописных, исписанных мелким почерком страниц, дана не только, практически - ежедневная картина жизни города, но и панорама его культурного бытия. Масса газетных вырезок, вклеек, пригласительных билетов, программ концертов, спектаклей и выставок. Причудливая смесь жестокой реальности и слухов, точные, глазами художника и критика - зарисовки быта, человеческих типов и характеров. Одновременно автору присущ и юмор /чего стоит, например, его отсылка к Грекову, Самокишу и Рубо в записи 17/IV -42/. Автор порой наивен, порой - излишне строг, порой - даже беспомощен, но, безусловно - честен и, как результат, картина блокадного города получается удивительно объемной и реальной. Именно из таких дневников, а не из отлакированных эпопей типа "Блокады", доходит до нас правда тех дней.

Представленные страницы - почти без пропусков, буквально - с двумя-тремя крохотными сокращениями - начало дневника. Я умышленно оставил и нелепые слухи /нам нелепые, сегодняшним/, и брзжание автора по поводу плохо идущей уборки города от грязи, прочее - в этом роде - как фон, как воздух и среду.

Еще: я всюду оставил орфографию и пунктуацию автора / временами - с наслаждением, как, скажем, со словом троттуар/, но, конечно - так печатать-вряд ли стоит. Надобно сказать все-таки, что некоторая стилистическая небрежность и явные ошибки, особенно пунктуационные - совершенно понятны и простительны, если вспомнить дату, место, да и физическое состояние писавшего. Еще раз: я просто переписал знак в знак.

Ниже - комментарии к тексту, постранично. Да - еще: как только я занялся комментарием, оказалось, что вокруг почти каждого имени целая эпопея, вообще то - жизнь; я не знаю, нужен ли тебе вообще этот комментарий если да, то его можно разработать, а сейчас - в первом приближении.

стр 9.

Удивительный, если это так, четырехмесячный перерыв в возд. налетах. Проверю. Хигер Александр Владимирович, член правления ЛССЖ. Котя - брат автора. Павел Александрович Шиллинговский-1881-1942- художник, живописец и гравер, на мой взгляд - последний из великой старой школы. Отточия - абсолютно невозполнимые потери текста в связи с тем, что автор, особенно в первой половине дневника, делал вклейки и клей разъел текст. 1-ое отточие - по смыслу - "орация" и, очевидно, что-то из перечисления исполненных Засл.Арт. И.А. Нечаевым /в программе три вещи: русск. нар. песня "Дубинушка", "Краснофлотская улыбка" Будашкина и песня Ленки из оперы "В бурю" Хренникова/. 2-ое отточие, видимо - "нужно" или "требуется" 3-е - несколько слов, а 4-ое уже две строки, абсолютно нечитаемых, и страдалее: ...менский/ - очевидно - профессор А.Д. Каменский, игравший в концерте вальс Шопена и 15-ю рапсодию Листа. ...Лыжинская дача - не выяснено, возможно - личное, по смыслу - место, где собираюсь, музицировали; есть вариант: у какого-то из Союзов /творческих/ в Шувалове была дача, которую все так и называли - лыжная, шутя, что туда проще из города дойти на лыжах, чем на транспорте. Н.Арт. СССР П.З. Андреев, исполнитель партии фортепиано В.П. Ульрих, З.Д.Иск. В.И. Касторский, З.А.РСФСР Е.П. Студенцов, артистка Гос. драмы А.М. Железнова - участники концерта. "Безобразный" Горин-Горайнов Б. А.

Ст. мин - невен, работаю с Песковским в Куртовском, возможно это его запись
 имеет смысл Бартоломью

В.А. - Н.А. РСФСР, великий александринский комик, которого я помню по еще довоенному спектаклю в роли Аркашки Счастливецова, где Гурмыжскую играла Корчагина-Александровская, а Несчастливецова - последний наш великий трагик Юрьев/?/. Гущинский Василий - известный в тридцатые годы конфетансье, за одну из хохм исчезнувший /в ГУЛАГе -?/. "...Из них 90 умерли" - здесь и далее надо иметь в виду, что до конца войны еще больше трех лет. Инициалы и годы жизни архитекторов, также, как далее - некоторых других, за краткостью сроков и в связи с гололедом еще не искал. Загурский В.И. - скрипач/непроверено/, Зав. Управлением по делам искусств Исполкома Ленсовета, непосредственный начальник автора. На протяжении дневника отношение к нему меняется, становясь где-то в середине резко отрицательным. Дошел до Остроумовой и также, как в случае с Шиллинговским - думаю: кто такая объяснять не надо. Таких имен далее будет предостаточно. Для краткости именно в этом тексте буду ставить годы, инициалы и знак /энц/, что значит - есть в любом советском энциклопедич. справочнике. О-Лебедева Анна Петровна, 1871-1955./энц/.

стр 3. Со Штиглицем это целая история, здесь не будем. Стационар - не знаю, понятно ли? Было два вида помощи дистрофикам: внекарточные столовые и стационар, куда клали, отбирая карточки. Смирнов А.В. - подробней на следующей странице. В.И. - Загурский.

стр 4. Лидия Семеновна, Киса и Мирра - просто знакомые А.А. Рославлев - также как Киплик и Смирнов А.В. - преподаватели инст. Репина. Софроницкий Вл. Вл. 1901-1961, пианист /энц/.

стр 5. Обрати внимание: автор нигде не употребляет новых названий улиц. Серов Вл. Алекс, 1910-1968 /энц/. В описываемое время - Секретарь ЛССХ.

стр 5. По поводу Аряшнова и Коновановой считаю, что при публикации надо давать только заглавные буквы, дабы не оскорблять достоинство возможных наследников. Тоже и впредь. С этим вообще некоторая проблема. Автор весьма критичен и следует соблюдать такт. Лишев Вс.Вс. 1877-1960 /энц/. Лебедев, Корнилов и Фармаковский - пока только о Корнилове; Петр Евг., искусствовед, он будет в этих дневниках неоднократно. Гусин пока не выя

⊗ Главный хранитель отдела графики Русского музея.

Боголюбовы - муж и жена, ближайшие друзья автора. Боголюбов В.Я. - скульптор.

стр 6. Конашевич Вл. Мих 1888-1963 /энц/, ~~ВФ~~ Верейский Георг. Сем. 1886 - Николай Хри-
-1962 /энц/, Рудаков Конст. Ив. 1891-1949 /энц/. Рутковский - неяснен
стофорович - художник 1892 - ?
Три точки - утраченное слово. Отточие после Остроумовой - пропущенный
мною ничего не значащий абзац. Училище Правоведения - Фонтанка, 6.

стр 7. Мост через Мойку - I-ый Садовый мост. Кладбище где похоронен Ш-й, ве-
роятнее всего - Смоленское. Выясню обязательно. Фильма "Шампанский вал-
хоть убей - не помню, но, говорят - был. К/театр "Колосс" помещался на
углу тогдашней Пролеткульта и ~~Павлова~~ ^{Ракова}, ныне М. Садовой и Итальянской.
Закрит после войны. Зал вошел в состав Дома Радио. Каминская неясн.
Обрати внимание, какие слухи: Мга, Саблино, Лигово - по всей дуге! Фе-
дунинцы - войска генерала Федюнинского Ив. Ив. 1900 - 1977, в то время
на Волховском фронте.

стр 8. Академия - понятно: художеств. Кроленко - неяснен.

стр 9. Пакулин - художник, П.Н. Шеффер - неясн. Уборщица училища - име-
ется в виду ~~или~~ хореографическое уч-ще на Золчего Росси, где в блокаду
жил автор.

стр 10. Маша - жена А.А. Шумилов - насколько помню - кто-то из секретарей,
толи Обкома, толи Горкома партии. Манизер - в Москве? понятно /энц/.
Курдов Вал. Ив. - график. Пошли первые трамваи - несколькими днями ран-
ше была запись о грузовых трамваях, на которых к мостам свозят снег.
Далее, до стр. 14 идут графики, даю подряд, что успел выяснить. Итак:
Пахомов Ал. Фед. 1900 - 73 /энц/, Верейский, думаю - отец, тогда: Георг.
Сем. 1886-1962/энц/, Павлов Ник. Алекс., уточню, Григорьянц Павакан Пе-
росович, Каплун Андриан Вл. 1887-? Мочалов Серг. Мих. Быльев-Протопопов
Ник. Мих. 1907-? Латаш АМ-ра Натановна 1909-? "Полярная звезда" на шар-
портрете Орбели Верейского: что это? Я не помню такой, но знаю навер-
няка, что была такая императорская яхта, чуть ли не на ней ли молодой
Николай II плывал за невестой в Англию? Буду выяснять.

Мордвинова Алевтина Евг. Бутрова Мар. Ник. 1905-? Новиков Мих. Еф. 1903
говорят - жив. Скалин - невыясн. Эвенбах Евг. Константиновна 1889-?
Кондратьев П.М. 1902-?

стр 14. Грокольский - невыяснен.

стр 15. ...притащили горкомовцы - надо выяснить. Полозова и выяснять не
буду, хотя мне дали два телефона какого-то современного, ~~привычные~~ думаю
не тот. Островская Мария Федосеевна 1896-? Гагарина Лидия Ив. 1902-?

стр 16. Дорметер - ? Лужковский - ? Андреев -? Белкин -? Кучумов -?

Дормидонтов - ? Эти, последние, конечно известные, просто мне сегодня
не успеть.

стр 17. Троллейбусы, конечно застряли не в середине, в начале зимы. "За-
щитные сооружения" - деревянные щиты, которыми закрывали в начале вой-
ны окна первых этажей /помню - Елисеевского/, а под, за щит ~~накладывали~~ ^{клали}
песок. По весне посыпалось, сделалась грязь.

стр 18. Корнилов сообщил... - чертовски интересно, одни имена и инициалы,
надо искать какого-то старика. Твелькейер Леонид Борисович - препода-
ватель в Репина, скульптор - ? Очевидно, оставался за старшего в Акаде-
мии. Узнаю.

стр 21. Был в библиотеке - скорее всего - театральная библиотека /?/. Го-
ворят, там есть две старушки, только они вряд ли помнят Ольгу Михайлов-
ну, но попробую. Велесевич не узнавал, да и полностью фамилию писать
не следует.

ДОБАВЛЕНИЕ для эстетов к стр. 14: ...пили денатурат. Денатурат, этиловый
спирт-сырец / C_2H_5OH /, содержащий добавки красителя сине-фиолетового цвета
и специальные вещества, придающие неприятный запах и вкус /якобы/. Раство-
ритель лаков и политуры. Ядовит /хе-хе!/. /Сов.Энци.Словарь. Кр.комментарий -
- мой/ Честно: сам не пил, но из детства помню /я ходил в садик на канал
у горбатого Сенного моста, там после войны была станция скорой помощи/ -
- на набережной, стойко кучкующуюся группу мужиков с фиолетовыми бутылочка-
ми. Мама, оглядываясь, уводила меня прочь.

4/IV-42.

Первый - после 6/XII воздушный налет. Две тревоги - 7-8 веч. и с 1ч45м. до 3ч.30м. ночи. Вторая началась после взрыва первой бомбы и минут через 10 после зениток. 3 бомбы во дворе Инженерного замка, повреждена Академия художеств /со стороны Литейного двора у 3 линии/, говорят, несколько в Летнем саду, где рвались закопанные в землю боеприпасы, много в районе Гагаринской, Сергиевской и Смольного.

Разговлялись дома, Хигер принес спирт и кофе, посылки ЛССХ и Котина обеспечили роскошное пиршество.

5/IV.

В 8 час. утра от приступа грудной жабы скончался П.А. Шиллинговский.
Десятиминутная
~~Пятидесятиминутная~~ тревога с 2 ч. 30 м. дня.

В Александринском театре открылись филармонические концерты. Зал переполнен, публика очень разная - много зеленой молодежи, много военных /Холодильник специально приехал с фронта/, и остатки старого Петербурга, завсегда в Филармонии. Сочетание позолоты, электричества с холодом, запущенностью помещения и очень своеобразной публикой чем-то напоминало 1919 год. Хотя тогда публика была иная - более мещанской и более заинтересованной. Неизвестно откуда взялось много круглых, сытых физиономий и женщин в хороших шубах. Ясно, что многие пришли оттого что больше идти некуда, соблазнило светлое помещение и оперетта была бы или нет она по душе.

Прием, за немногими исключениями, очень сочувственный. Исключение - Нечаев, стяжавшийпосле арии Герцога из "Риголетто", последней, исполненной на *6:5*. Хорошо приняли "Плясовую" Лядова /П.З, Андреев/. Пожалуй, правильно. Сейчас ... простое, понятное и эмоциональное. ... Волновало то, что корнями уходит менский/ - почему то напомнили Лыжинскую дачу, и совсем фальшива театральщина - куплеты Мефистофеля, "Риголетто": механическое, в силу концертной традиции, возрождение ненужного, пошлость которого ощутилась особенно остро.

того

Вообще, впечатление ~~шишиши~~, что люди на сцене делают ненастоящее дело было довольно сильно. Если бы публика была немного культурнее, она приветствовала бы в исполнителях /Андреев, Ульрих, Касторский, Студенцов, Железнова/ остатки вымирающего Петербурга. Со сцены веяло старорежимным - в том смысле, что люди держали себя, были одеты и делали все так, как принято, как-будто ничего не случилось, шли проторенными путями. Отсутствие эксперимента и новизны - основное, что невыгодно отличает сегодняшний день в искусстве от первых по-революционных лет. Нужно искать новое - смотрел "*Die Kunst*" и вижу, что немцы и здесь нас обогнали.

Безобразно антихудожественное подыгрывание вкусам народнодомской публики со стороны Горин-Горайнова: он не далек от "эстетики" Гущинского

У подъезда стояло штук 20 машин - это в то время, как женщины возят на себе сани со снегом т.к. нет бензина.

Говорят, что вчера налет был звездный - летели с 5 сторон и объектом бомбежки являлись корабли на Неве. Они стоят под укрытием ~~мши~~ дворцов.

6/IV.

Совещание с представителями Союза архитекторов. Из 925 членов Союза, насчитывавшихся до войны, после мобилизации и эвакуаций осталось около 400. Из них 90 умерли, в том числе Котов, Гриш, Гевирц и др.

Проектируют проведение двух конкурсов: рисунки "Архитектура Ленинграда в дни войны" и проект восстановления одного из ответственных сооружений.

Ездили с Загурским к Остроумовой-Лебедевой. Сидит в полупотьмах с выбитыми третьего дня и заколоченными фанерой окнами. Но бодр, в хорошем рабочем настроении. Заканчивает 2 том "Автобиографических записок", горювится к выставке. ... работы, посвященные Ленинграду военного времени. Везжать не собирается. В субботу /11/IV/ предполагаем слушать отрывок из 2 части "Записок".

В Эрмитаже. Насущная задача - ликвидация морга, образовавшегося автоматически. В течение долгого времени там лежит 40 трупов сотрудников

музея. Всего за время войны из штата Эрмитажа умерло 110 человек.

Перевозка музейного имущества от Штиглица задерживается, т.к. машины мобилизованы на вывозку снега и трупов.

Позвонили из райкома и сообщили, что их стационар со вчерашнего дня ликвидирован. Вчера приняли новых и обрезали у них карточки.

Идет очистка бомбоубежищ, загаженных настолко, что пользоваться ими нельзя.

Кто-то передавал, что получил письмо о смерти А.В. Смирнова, убитого при бомбежке эшалона Академии художеств. Ранена также аспирантка скульптурного ф-та Воинова.

Весь день над городом гул самолетов - очевидно, кому-то, кто прохлопал субботний налет, нагорело и сейчас принимаются меры.

7/1У

Утром на трудаботах по очистке от снега. Новая сторона разрушения города. Вдоль парапетов набережных горы свезенного ото всюду снега. Мосты превращены в свалки - сюда свозится на трамваях грязь с отдаленных улиц, лежит на мосту и потом сбрасывается за перила. По обе стороны Аничкина моста сплошные груды, закрывшие пролеты наглухо. Вместе со снегом свозится всякий мусор, содержимое уборных, в каковые было превращено большинство дворов, кирпич из разбомбленных зданий и, что хуже всего из-за массовости - шлак, песок и мусор от оконных укрытий, так рьяно создававшихся в первые дни войны. Словом, если не произойдет чуда, наши каналы летом будут превращены в источник заразы и боюсь, что некоторые из них будут засыпаны совершенно.

- Работники Русского музея на приеме у В.И. В результате своей скромности, они оказались в ужаснейшем положении, достойные люди никак не обеспечены, в то время как третьесортные теноры Музкомедии получают академические пайки, бескарточную столовую и проч. В.И. обещал подкормить и распорядился выдать им московские посылки, предназначенные для некоторых народных. Завтра хочет отвезти их лично.

- К Лидии Семеновне приехал муж и рассказал следующее:

а. Дела на фронте очень хороши - особенно на юге. Говорят, что Харьков окружен.

б. Сдержанность сводок объясняется стремлением побудить союзников к активным действиям. Второй фронт необходим.

в. В Любань дважды прилетал Гитлер, уговаривавший гарнизон держаться до последних сил и обещавший поддержку.

г. Немцы усиленно готовятся к наступлению /Попов слышал, что на Карельском перешейке оно уже началось/, но мы готовимся еще интенсивнее.

д. Пасхальный налет крупных сил стоил немцам очень дорого и не дал для них практических результатов. Они действительно ориентировались на корабли, но ни одна бомба в цель не попала. Сбито много самолетов и немцы не скоро смогут повторить налет в таких масштабах.

Выл на эвакуопункте в Малом оперном театре. Очевидно, до открытия водного пути эвакуация прекратится 10/IV - во всяком случае такие слухи усиленно циркулируют среди населения. Киса обратила внимание на то, что за последнее время эвакуируется огромное количество работников кооперации. Мне это понятно. Люди наворовали, накопили денег и золота /оно в цене - не то, что громоздкие предметы вроде мебели или музыкальных инструментов/ и торопятся уехать, пока не разоблачены. В связи с этим резко упало предложение продуктов по спекулянтским ценам и выросли самые цены. Мирре предложили крупчатку по 850 и подсолнечное масло по 1400.

8/IV

Пришла открытка от Рославлева. Едут хорошо, питаются роскошно. Но: 1/ попал под поезд и скончался А.В. Смирнов /обстоятельства неизвестны/ и 2/ умер в дороге от флегмоны Киплик.

Улетел Софроницкий.

Вопрос с Эрмитажным стационаром разрешился благополучно.

Трудработы по снегу пролонгированы до 15 апреля. Все равно не справятся. Даже на главных улицах горы сколотого льда, на Бассейной, На-

деждинской, Знаменской и т.п. его и не скалывали, а Продненский представляет собой форменную свалку с содержимым уборных, битой посудой, ломаными унитазами и все это высотой выше метра - полностью закрывает окна нижнего этажа нашего старого здания. Как и куда все это вывезти - непонятно.

Впервые за время блокады стали давать селедки /вместо мяса/. По 300 гр. на I категорию и по 200 на остальные. На завтра объявлена выдача сливочного масла /200 и 100 гр./.

9/IV.

Бурное заседание президиума ЛССХ. Серов потребовал вотума доверия к себе и удаления оппозиционеров. Форма недопустимо хамская, вообще же - буря в стакане воды. Продолжение завтра - придется присутствовать.

Исключен из Бюкса художник Аряшнов - за то, что был пойман при краже четырех буханок хлеба и скульптор Конованова, получавшая для себя обеды по льготным талонам Лишева.

Отвезли посылку работникам Русского музея - Лебедеву, Корнилову и Формаковскому. Корнилова застали в момент варки студня из столярного клея - и вручили пакет со шником, колбасой, сыром, маслом и сахаром. При нас не разворачивали: о впечатлении узнаем завтра.

Приехал из Волховстроя Гусин. Волховстрой цел, немцы непосредственно за Лодейным полем, которое обстреливается артиллерией.

Были Боголюбовы.

10/IV

С утра - сильный дождь и очень тепло. То ли от погоды, то ли из-за живота, чувствую себя совсем развинченным. Снег тает - это средство оказалось радикальнее поголовной мобилизации дистрофиков.

Вечером - президиум ЛССХ, в основном посвященный поведению Серова. Инкриминируется самоснабжение, диктаторство, грубость, но почему-то никто не говорит об основном: о РАППовской по существу линии Серова, насаждающего ползучий натурализм и отруливающего от Союза всех, кто стоит выше его собственного творческого уровня. Особенно показательна

в этом отношении выставка эскизов: в городе Остроумова, Конашевич, Вейрейский, Юдовин, Рудаков, в то время были Вилибин и Шиллинговский, а на выставке представлены третьестепенные, за исключением Лишева, художники. Отсюда - соответствующее впечатление серятины, скуки, сырые и профессионально - средние работы.

Подхалимское выступление Рутковского, пытавшегося оправдать даже личные отрицательные стороны Серова, трусливая, с оговорками "самокритика" ... очень хорошее - прямое, резкое, принципиальное, с чувством собственного достоинства, - выступление ^и Хигера. Но в общем собрание прошло хорошо и должно дать плоды. Очевидно Серов понял, что линию поведения ему следует изменить - и уже пересмотрел свою тактику даже по сравнению со вчерашним днем.

II/IY

Ездил к Остроумовой - читала 2 часть своих "Автобиографических записок". Очень хорошо: просто, ясно, без виляний, с очень определенными оценками людей и явлений, с чувством собственного достоинства. То, что мы слышали, значительно интереснее I части: шире кругозор, масштабнее окружавшие ее люди, глубже и серьезнее волновавшие ее творческие проблемы, о которых она говорит много и охотно.

Старуху обрадовали с нескольких сторон: привезли ей академический паек керосину, Корнилов - известие о получении I категории. Приняла с большим достоинством.

.....

Возвращались по Фонтанке. Снарядом изуродован Кофейный домик в Летнем саду и подъезд училища Правоведения, в здании которого вышеблены все окна. Повреждения инженерного замка снаружи не видны, но весь он имеет какой то пожухлый вид. Вообще, здания, в которые попадает бомба или даже снаряд, и в неповрежденной части приобретают болезненный налет. То ли это незаметное, но ощущаемое искажение линий - результат оседания, кривизны, внутренних трещин; то ли слой извести, поднявшейся от взрыва; то ли, наконец, наша собственная фантазия, заставляющая воспри-

нимать общую для всего города опущенность в связи с катастрофой, о которой мы знаем.

На Садовой поврежден мост через Мойку - у Инженерного замка: выломано и сброшено в воду звено решетки, выщерблен осколками гранит.

12/1У

Хоронили Шиллинговского. Народу было 6 человек, от Союза художников никого. Трогательна несколько провинциальная заботливость Корнилова - вплоть до коврика на дне машины и покрывала для гроба.

Могилу рыли девушки - пожарницы из Академии. Неглубокая, несклепистая. Гроб получился очень широким и длинным - делали в Академии художеств. Он не умещался в могилу и его пришлось втискивать ломом, ставитесь стоймя и под ним лопатой подравнивать уголки. Торопясь скорее кончить, проголодавшиеся и равнодушные, все торопились, закрывали глаза на то, что все сделано кое-как, непрофессионально.

Последнее характерно для нашего времени. Мы непрофессиональными руками роем могилы, колем лед на улицах, строим бомбоубежища, и, что хуже всего, вошем.

Шел по Тучковой набережной. Совершенно своеобразный пейзаж: сочетание старого Петербурга, строгого, традиционного, с весенней провинцией - горы снега, не загаженного дырявыми ведрами и битой посудой, лужи, в которых отражается безоблачное небо, причудливые узоры веток деревьев, ранее нами не замечаемые. Ведь это специфический пейзаж весны 1942г. а наши художники, увлеченные механическими повреждениями, ^{развалинами,} следами бомб и снарядов пройдут мимо.

На кладбище нашел зеленую траву.

Вечером были с Миррой на "Шампанском вальсе". В конечном счете хорошо, заставляет забыть об окружающем. "Калосс" битком набит, возле входа стоят толпы людей, спрашивающих, нет ли лишнего билетика.

Возле Александринки всего 3 машины, хотя программа концерта гораздо серьезней и лучше первого: не рассылали приглашений.

Каминская где-то слышала, что взяты Мга, Саблино и Лигово и Федюнин-

цы якобы соединились с нашими. Будто бы даже кто-то из живших в Лигове сумел пробраться к себе домой.

Днем, около 2 часов, велась стрельба зениток - в районе порта. Несколько залпов дала батарея возле Николаевского моста.

Зашел в Академию посмотреть разрушения. Первый и второй этажи разворочены здорово, провалился свод подвала и засыпано газоубежище. А верхний этаж почти цел: видна только дыра в потолке и рядом синей висит неповрежденная электрическая лампочка.

Люди, живущие в подвалах Академии, о разрушении узнали только на утро /бомба разорвалась в 3 часа ночи/. Сотрясение было не сильнее тех, какие они ощущали от взрывов, происшедших на сравнительно далеком расстоянии. Бомба весом в 500 кгр.

13/IV

Делал доклад на партгруппе о работе отдела ИЗО. Практических выводов никаких - повидимому в отчете должно стоять, что заслушан доклад соответствующего отдела. Кроме Загурского никто не выступал - он же говорил не по существу. Очень нажимает на выпуск "Временника". Это радует.

В столовой страшная сцена. К одному из столиков подошла худая, обтрепанная женщина с каким-то пакетом в руках, наклонилась к сидевшему оркестранту и стала что-то говорить. По виду - интеллигентная. Потом быстро наклонилась и схватила с тарелки кусок пирога. Он поймал ее руку, бил ею по столу, пока она не выпустила кусок, ударил по лицу. Из пакета посыпались отруби. Она слабым голосом говорила только: "Я голодна, я голодна" и, когда ее уводили, просила дать ей подобрать отруби. Присутствующие возмущались только тем, как ее пропустили.

Опубликовано постановление о займе - подписка на месячный оклад.

Был Кроленко. Говорит, что на-днях в Смольном было продовольственное совещание с привлечением врачей - специалистов по питанию. Последнее признано недостаточным, но ресурсы позволяют увеличить паек для 1/2 миллиона оставшегося населения на 10%. Смысла нет никакого. Поэтому решено, осудив практику стационаров, которые себя не оправдали и

должны быть закрыты с 1 мая. Выделят 100 тысяч человек, нужных для активной работы, обеспечить их нормальным питанием; на остальных махнут рукой. Говорит, что из Москвы приехала комиссия, работающая по восстановлению нормальной жизни города и пуск первых маршрутов трамвая - первый результат ее деятельности.

Выявляется список сталинских лауреатов. Из наших, кроме Шостаковича, получил только Лишев. Очень рад за старика. Художники, и в частности Серов обижаются, тем более, что получили кукрыниксы и бригада московских плакатистов.

Вечером артиллерийский обстрел где-то неподалеку от нас.

14/IV.

Утро в Эрмитаже. Даже с разрушениями, в запущенном виде он прекрасен. Ходили с художниками, выбирали, что рисовать. Глаза разбегаются - так все интересно. Пакулин увлекается пейзажами из окон. Это действительно нечто исключительное, особенно сейчас, с кораблями на Неве.

При мне пришли представители военного отдела горкома и командования КВФ, интересовались подвалами. К счастью, их не устроило многое и, в частности, грунтовые воды. Но вообще это страшно.

Водил нас по залам нач. охраны, - глубокий дистрофик, с печатью обреченности. Сейчас это характерно: ряд людей, преимущественно низший обслуживающий персонал, сознательно амортизируется до предела: всем ясно, что работать им больше нельзя, что спасти их могут только экстренные меры, но делать ничего нельзя, в рабочем плане из них выжимают все возможное, они механически, из последних сил, продолжают делать свое обычное дело, а потом, после их смерти, начинают думать, кем бы их заменить. И умирают они на ногах, без резкого скачка в смысле состояния здоровья. Очевидно, этот скачек носил внутренний характер и произошел давно. Типичен случай с П.Н. Шеффером. Он два месяца пролежал в стационаре, временами казалось, что самочувствие и состояние его улучшаются, но спасти его не удалось. Попади он в эти условия несколькими днями раньше, исход мог бы быть иным. Сегодня умерла уборщица училища Свис-

тунова. О том, что она долго не протянет, говорили давно, Но еще вчера она стояла с Машей в очереди за обедом.

Серов рвет и мечет по поводу списка сталинских лауреатов: он считал, что премия у него уже в кармане. Звонил Шумилову, просил его принять - отказано; дал телеграмму Манизеру, запрашивая, дошли ли материалы. Иной причины своего афронта он не видит.

Очень рад за старика Лишева, которому по случаю премии уже сегодня была отвезена продовольственная посылка Ленсовета.

Вернулся из поездки на фронт Курдов. Был под Любанью. Наши в 10 клм. к югу от нее.

15/IV

Пошли первые трамваи. С утра, говорят, было свободно, но я видел обвешанные целыми гроздьями людей. Ездить на них страшно - наверняка можно подцепить вшей.

Просмотр в ЛССХ эскизов. Очень хорошие работы Пахомова, несколько холодноватые, но сделанные с большим мастерством портреты Верейского, говорят /я опоздал и не видел/ удачные работы Павлова. Из остальных кое-что интересное намечается у Григорьяца, Каплуна, Мочалова. Остальное очень сыро и серо. Поражает общая для всех безликость вещей, отсутствие образа, их неглубокость, приводящая либо к общим местам, либо к механической стилизации без чувства стиля. Особенно ясно это сказалось на подходе к ленинградскому пейзажу. Он получается только в тех случаях, когда берутся общеизвестные здания - Исаакий, Адмиралтейство, сфинксы, Александровская колонна, памятник Петру. В остальном получается нечто весьма далекое от образа нашего города. Изобилие снега превращает рисунки в изображение глубокой провинции и попытки обострить пейзаж, показать дворы, деревянные окраины, новые улицы приводят к тому, что получается некий неведомый город, даже отдаленно не напоминающий Петербурга. Быльев ухитрился, даже изображая Горный институт, сделать деревянный город, с кривыми узкими улицами - не то Тулу, не то Калугу. Еще хуже обстоит дело в области интерьера. Здесь просто беспомощность, да-

же отсутствие попыток найти в них типичное.

Причина в том, что работают исключительно руками, а не головой. Не ставят перед собой ни тематических, ни образных задач. В этом отношении характерны несколько примеров. Латаш показала зарисовки, сделанные в госпитале: несколько портретов, изображение лежащих на кроватях, играющих на мандолине, читающих газеты людей. Непонятно: для чего все это. Каждый отдельный лист сам по себе, они не объединены руководящей идеей, непонятен принцип отбора материала. Рисование, не мудрствуя лукаво, всего того, что попадает на глаза. В итоге показанное не может служить материалом для композиции, и все рисунки не могут существовать в виде серии. Для этого каждый из них слишком незначителен, бестемен, безыдеен.

Отсутствуют поиски и ощущение остроты. Мочалов показывает очередь за водой. Эти очереди производили впечатление на центральных улицах, по соседству с большими, некогда благоустроенными домами, на фоне контрастирующего с этим примитивным бытом городского пейзажа. Он же взял какой-то обнесенный деревянным забором и занесенный белым, хорошим, глубоко провинциальным снегом, возле двухэтажного дома, с нехарактерным, опять таки уводящим в провинцию пейзажем. В результате - невыразительная жанровая сценка, лишенная не только остроты, но и элементарного смысла, никак не раскрывающая сути того явления, изобразить которое он ставил своей задачей.

Происходит это от недостатка общей и профессиональной культуры, от непонимания элементарных задач, стоящих перед художником, от очень узко и однобоко понимаемого профессионализма. Тот же Мочалов пишет очень уверенно, рисунок у него правильный, есть даже индивидуальный стиль /к сожалению, отнюдь не ленинградский/, но не привык человек думать, он даже не представляет себе те проблемы, которые могут стоять перед художником. Если мирискусники были сильны своей культурой, широтой своего кругозора, интересной постановкой проблемы и умением добиваться их решения, если передвижники брали своими "гражданскими мотивами", т.е. опять-таки интеллектом ~~и эмоциональностью~~ и, вдобавок, эмоциональностью, то у на-

ших художников /я говорю о массе/ нет ни того, ни другого.

Существует внешнее восприятие форм культуры прошлого и более или менее ловкая способность подражать чужим приемам - без проникновения в их сущность и без понимания ее.

И, как вывод из всего этого - невнимание к деталям, неумение в какой-то мелочи увидеть типичное - то, чем сильна Рашевская. Может быть это - результат тяготения к монументальным формам, неверно понимаемая масштабность, привычка работать обобщениями, привитая предшествующими годами, плакатом, заказами, не согретыми личным ощущением, личной вовлеченностью, внутренним родством темы. Как правило /исключение только Пахомов, частично - Григорьянц/ жанр подавлен городским пейзажем, при чем ни тот, ни другой не выявлены должным образом.

Характерен крен, обратный тому, какой мы имели на декабрьской выставке эскизов: почти сплошь бытовые сцены и зарисовки по городу, почти полное отсутствие композиционных работ, почти полное игнорирование тем, связанных с фронтом.

Были же просмотрены работы только графиков. Показано следующее:

1. Павлов - портреты героев /авиачастей /результат поездки вместе с Хигером в Ладогу/. Делалось по заказу Политуправления КВФ.

2. Пахомов - бытовые сцены. Очень удачна сцена, изображающая дистрофика, которого везут на салазках. Интересно намечается носка воды с Невы.

3. Верейский - серия портретов, делавшихся по заказу Политуправления КВФ на кораблях. Очень хороший портрет Орбели /силует на фоне окна, с "Полярной звездой", стоящей возле Эрмитажа/.

4. Григорьянц - трудовые работы по снегу. Перед Академией: сфинкс на переднем плане, дальше - Нева с кораблями, набережная, Исаакий. Еще скрывает группа работающих, но вещь обещает быть интересной: есть свежесть, непосредственность восприятия, кое-какие мысли, удачно найденная точка зрения.

5. Вылъев - пейзажи военного Ленинграда. Манерно и не похоже ни на

Ленинград, ни на войну. И кто же время - уверенный, определившийся почерк, работа ничто же сумняшеся - в большом масштабе, с декоративной завершенностью. И вся серия, сделанная одним приемом /"деревянный Ленинград"/ - очевидно автор удовлетворен или считает искания в этом отношении излишними.

6. Наплук - Ленинград в дни войны. Несколько акварелей без доминанты. Жанр и пейзаж равнозначны, но то, и другое разработано недостаточно, ни в чем не найдено характерное.

7. Мордвинова - бытовые сцены. Выполненные на среднем профессиональном уровне, они угнетают своим общим флуидным тоном: свита несчастных. Убогие, нищие, примеренные с судьбой люди, вдобавок, показанные вне конкретной обстановки. Проблема нашего интерьера даже не стояла перед автором.

8. Латаш - зарисовки в госпитале. Отдельные портреты неплохи, но в целом - бесхребетно. Госпиталь фигурирует только из-за бедности фантазии и потому, что ехать на фронт хлопотно и холодно. Мысли никакой.

9. Бутрова - женщина и война /дружинницы/. Типичный образец иллюстративного подхода к навязанной извне теме. И в профессиональном отношении весьма посредственно.

10. Новиков - После бомбежки. Боюсь, что подкупающая в эскизе индивидуальная манера автора утопит то, что должно быть развито в дальнейшем. Но пока что хорошо - за исключением опять таки отсутствующего ленинградского колорита.

11. Мочалов - 3 акварели: тушение зажигательных бомб, отряд моряков на Неве, очередь за водой. Профессионально выше остальных, но с принципиальными ошибками, о которых уже сказано.

12. Скалкин - Ленинградские пейзажи. Очень нехарактерно и сыро.

13. Звенбах - в госпитале. Осмысленнее, чем у Латаш, но также никому не нужно. Правда, есть намеки на поиск какого-то композиционного решения.

14. Кондрашьев - множество плохих зарисовок непонятного содержания.

На горд мы до сих пор смотрим глазами художников "Мира искусства".

Но изменился и самый город, и наше отношение к нему. И сейчас — удобный повод поискать свежее решение ленинградского пейзажа: и война обострила отношение к нему, и то обстоятельство, что над этой проблемой работает большинство художников, позволяет ставить эту проблему в широком масштабе.

В Управлении — совещание об открытии зала камерной музыки. Многолюдно, торжественно, но как-то недостаточно конкретно.

Маша получила повестку в связи с делом Е.Н.

16/IV

Лейтмотив дня — вопросы стационара и столовой. Загурский перемудрил, стремясь объять необъятное. В результате стремления ублагоутворить максимальное количество народа, неудовлетворен никто. Началось с того, что получение обедов было отделено от завтраков, а с сегодняшнего дня, получавшие пропуск в течение первой половины месяца, не получают его во второй. Такая система половинчатого подкармливания, вместо того, чтобы отобрать нужных людей, поставить их в нормальные условия, неправильна в принципе и порождает кучу недовольств.

Машин визит отнял очень немного времени и разговор носил поверхностный и сравнительно мирный характер. Очевидно, нелепость вызова стала ясна с первого взгляда.

Начал позировать Боголюбову. Композиция бюста очень интересна. Вечером были у них, пили денатурат, закусывали селедкой и гороховым паштетом, а к кофе были поданы пирожки /из наконец-то полученного им академического пайка/.

Случай с Грокольским. У него умерла жена и лежала дома. Он же находился в стационаре Мариинского театра. В ночь на 5-е в их дом попала бомба, разрушила соседний флигель /на Офицерской, где жил Блок/, у них выворотило рамы и перевернуло все в квартире вверх тормашками. За ночь соседи вытащили все имущество — вплоть до гвоздей в стенах. Утром он нашел только пустые комнаты и засыпанный осколками стекла труп жены на полу, куда он был сброшен воздушной волной. Тяжелое физическое состоя-

ние усугубилось травмой.

17/IV

Перерегистрация карточек. Много суетни, но результаты ничтожные. Организация такова, что цель делается непонятной.

Хорошая погода, солнечно, хотя холодновато, но в общем весна очень заметна. Снял сегодня свитер /в осеннее пальто переехал 12-го/. Лед на улицах далеко не убран - трудработы пролонгированы до 25-го. Говорят, по радио объявляли о мобилизации на огородные работы. Трамваи ходят обвешанные гроздьями людей. Милиционеры, в порядке реализации указания о том, что их дистрофию надлежит считать изжитой, энергично сгоняют народ с пустой и чистой улицы на захлащенный песком и грязью троттуар, по которому передвигаться можно с трудом.

В ЛССХ просмотр эскизов /живопись/. Впечатление еще более убогое, чем от графики. М.Б. потому, что кое-что притащили горкомовцы - это отразилось на общем впечатлении. Потрясает носящая массовый характер ништяк некультурность, непонимание элементарных творческих задач, ремесленность, которая проявляется с трогательной наивностью и оголенностью. Некий Полозов принес совершенно страшные не только по исполнению, но и по замыслу вещи и объяснял их сырость тем, что объявление о просмотре написано неясно, и он только сегодня в 7 часов утра смог засесть за эскиз и должен был схватиться за случайную тему, первую пришедшую на ум. О том, что работать можно не для просмотра, о том, что расписываться в творческом бездействии в течение целой зимы - нелепо, он, повидимому, даже не подозревал.

Много тем надуманных, высосанных из пальца, привнесенных извне и неизвестно для чего. Островская притащила два этюда, изображающих трудработы, при чем очевидно, что противотанкового рва она не видела и характер того, что изобразила, представляет себе умозрительным манером. Гагарина придумала себе тему "Лесозаготовки", на которых она тоже не была. Но эта хоть не захотела фальшивить и нашла выход из положения, изобразив людей, сидящих в некоем закрытом помещении и слушающих чтение газет-

ты. Фальши не получилось, но и лесозаготовок тоже. Дорметр рядом со старой работой "Мобилизация собак", выставила эскиз фронтального эпизода - взятие немецкой батареи. Работы на уровне и характера иллюстраций к "Солнцу России"; грамотно с точки зрения рисунка и живописи и совсем приблизительно с точки зрения правды. Лужковский, как он сам выразился, предвосхищая события, изобразил взятие Павловска. У него были старые этюды пейзажей парка и к ним он наивно пририсовал фигурки красноармейцев. Некий Андреев выставил шесть тщательно выписанных эскизов с мчащимися конями, конной разведкой и т.п. Лошади сделаны по Грекову, Самокишу и даже Рубо. Несколько лучше две вещи, кстати; и наименее законченные: "На новые рубежи" /двое красноармейцев тащат пулемет по снегу/ и "ВВ разведку" /отряд лыжников/. Вряд ли он^н Андреев способен создать что-либо путное, но все же эти эскизы не угнетают, как прочие.

Лучше других работы Белкина, Кучумова и, говорят /я опоздал - не видел/ Дормидонтова. Белкин выставил 6 эскизов: 2 фронтальных эпизода, пожар бадаевских складов, пожар Нардома, воздушный налет и обстрел. Хороши ленинградские пейзажи, город он понимает, но остальное выполнено весьма приблизительно: без точного понимания темы, без точного отношения к ней, с сильным налетом стилизации и манерности. Но по культуре, не говоря уже о технике, это значительно выше всего остального.

У Кучумова - уличные сцены: часовой у корабля на набережной /возле Зимнего/, везут вещи /фон - дворцовая площадь с Александровской колонной/, везут покойника /Мойка, возле конюшен/, на Мойке /у разрушенного дома № 1/. Остро чувствует контраст между величием города и трагизмом зимы 1942 года. Но есть с одной стороны безисходность, и, с другой - эстетизация, некое позирование, любование этим трагизмом. Они сказываются и в сгущении красок, серой однотонной гамме эскизов, в трактовке неба, всегда ^нзаволнованного, грозного, зловещего, в выборе городских пейзажей - самых декоративных, самых петербургских, подчеркнуто величественных; и, наконец, в кустодиевской яркости отдельных деталей. Некоторых тактических вещей он не понимает: так, лучшая, на мой взгляд, ра-

бота /у разрушенного дома на Мойке/ в результате того, что все фигуры устремлены в одном направлении приобретает характер бегства из обреченного города. Вот Пахомов сумел этого избежать. Но в целом картины получиться могут.

У Дормидонтова - сборка танков в цеху. Хигер говорит, что несколько фотографично, но на хорошем профессиональном уровне.

Предстоит еще просмотреть скульптуру и раб^бы, находящиеся в мастерских. В целом выставка обещает быть интереснее декабрьской, хотя отбор ^з придется проводить ~~жесткий~~ жесткий.

19/17

Воскресенье. День, проведенный вне времени и пространства: ничего не видел, ни о чем не слышал. Ходил без галош - почти сухо. На Невском снег остался только под троллейбусами, застрявшими здесь с середины зимы. На небольших улицах он сохранился либо в теневых местах, либо под грязью, оплывшей из-под "защитных сооружений", сделанных возле окон. Вообще это - бич божий и чья-то инициатива будет стоять нам дорого. На троттуарах от них слой липкой грязи - кое-где ее сметают в кучи, но в большинстве случаев она лежит, где придется.

Возле булочных ст^ят люди, продают и меняют вещи. Это - результат того, что рынки разгоняются. Если в 1918~~2~~ 20г.г. на продажу вываливалось содержимое бабушкиных сундуков, продавались действительно ценные, в значительной части художественные, вещи /от фарфора до кружев/, то сейчас типично преобладание отрезков мануфактуры, ношеных галош и ботинок - результат деятельности запасливых хозяек, накопления материальных ценностей эпохи. Эти рынки - отличное мерило пути, пройденного нашим городом за последнее время. Жизнеспособная часть интеллигенции либо утвердилась и продажей своих вещей не занимается, либо оказалась за пределами города. Нежизнеспособная же умирала на своих вещах, довольствуясь пайком и не замечая, что постепенно приближается к гибели. Самостоятельную и индивидуальную деятельность за сохранение своих жизней развили те, кто до войны стояли в очередях у промтоварных магази-

нов, а в первые дни войны делали продуктовые запасы. Сейчас эти запасы иссякли и покупателями являются либо военные, либо жулье, причастное к продуктовым складам, магазинам и столовым.

Маша чистила помойку позади Казанского собора. Среди мусора обнаруживаются части трупов.

В Александринке - симфонический концерт Ансамбля песни и пляски под руководством Анисимова.

В связи с перерегистрацией карточек возобновились слухи о повышении нормы на хлеб - говорят, что с 21-го. Якобы в кооперативах этого не отрицают.

20/17

Тепло - даже независимо от солнца в драповом пальто ходить тяжело. У Дворцового моста Нева совершенно очистилась от льда почти до I линии. Обзавелся сапогами и галифе.

С ночи слышна отдаленная, но очень ~~интенсивная~~ интенсивная канонада. Характер звуков иной, чем при обстреле. На Васильевском, в стороне Гавани, но гораздо дальше, через определенные промежутки слышны глухие выстрелы - по моему наши, т.к. после них, как эхо, доносятся очень отдаленные разрывы. Около 7 часов короткое время стреляли зенитки, но тревоги не объявляли. Город полон слухами. Много говорят, что с 4 час. ночи началось наше наступление, что якобы днем даже передавали по радио об освобождении Царского и Павловска, что принимаются телеграммы в Лугу. Во всяком случае подавальщица столовой Академии художеств получила от дочери письмо из Дедовичей - со штампом полевой почты.

Корнилов сообщил о смерти Юлии Евстафьевны, умершей еще зимой. Из семьи осталась одна Ирина, которую застать дома он не смог. Говорит, что при нем в лавку писателей пришел некий молодой человек, продававший книги с надписями - от Б.М. - Кириллу. Неужели его квартира разграблена.

Делал обход Васильевского острова - был в Академии, на квартире у Шиллинговского и у Лишева. От Академии - вернее, от Твелькмейера и его

деятельности, впечатление очень приятное. Спокойная деловитая жизнь, забота не о казовой стороне, а настоящая культура, сказывающаяся и в продуманной расстановке сил, и в хороших взаимоотношениях, установленных с занимающей большую часть здания военной частью, и в дорожках, настланных на вымытые полы. В результате аварии они переносят столовую в помещение бухгалтерии, отдав свою батальону. Получается очень удобно - Академия сосредоточена в одном углу здания /набережной из линии/, расположение служебных помещений тоже выигрывает. Напряжения это стоит большого, но результаты положительные. О степени напряжения можно судить по тому, что из плотников выжил и остался работоспособен всего один. Вообще же в Академии за время блокады умерло 71 человек - профессорско-преподавательского состава и служащих. Это - не считая студентов, число смертей среди которых точному учету не поддается.

Квартира Шиллинговского очаровательна. Виден культурный и рачительный хозяин. Наряду с его работами, которых множество - они не только в альбомах, но и на стенах, и в папках, и в штабелях досок, много хорошей старой живописи, гравюры, работы мироеискусников, бронза, фарфор. И наряду с этим - хорошие запасы: в передней висят всевозможные рамочки, очевидно, покупавшиеся при всяком удобном случае, краски лежат целыми коробками: коробка кобальта, коробка ультрамарина и т.д. Совершенно трогателен карандашный рисунок - его жена в гробу. Она умерла в конце января этого года. Еще недавно эта квартира была населена полностью.

Любопытно сопоставить квартиры Остроумовой и Шиллинговского - людей одного поколения. Там - культурное жилище, где, в числе прочего, и работают. Самая мастерская аскетически проста - ничего лишнего, никаких украшений. Здесь же квартира художника прежде всего, квартира человека, не только создающего художественные ценности, но и любящего ценности, созданные руками других, эпикуреюца, думающего не столько об уюте, сколько об эстетике.

Лишев, по-моему, очень плох - боюсь, что долго не вытянет. А жаль, т.к. творчески человек в полной силе. Множество эскизов, несколько ра-

бот, доведенных почти до состояния готовности. Ценна разноплановость его работ. Одни носят характер философских обобщений, символов, рождены работой не только художника, но и мыслителя. Женщина, склонившаяся над трупиком лежащего у нее на коленях ребенка, а за ней - солдат, с подчеркнутой яростностью всаживающий ей в спину штык; современные дикари, дерущиеся из-за кошелька, женщины с детьми, люди на конях, фигуры красноармейца, рабочего и партизана, останавливающих врага. И рядом с ними - фронтовые эпизоды, созданные на основе рассказов очевидцев. Один красноармеец рассказал В.В., что он был в разведке со своим командиром. Оба были ранены, командир истекал кровью. Под ним убило лошадь. Тогда красноармеец связал лыжи, положил на них своего командира и несколько километров тащил к своим. Этот эпизод претворен в большую группу, почти законченную и таких эпизодов воссоздано несколько.

Но больше всего - бытовые зарисовки, "записная книжка", как говорит сам В.В. Превосходна автобиографическая свита "утро художника": автопортрет с помойным ведром, с вязанкой дров, за их колкой и т.п. "После бомбежки" - на санках люди везут всякий скарб, тут же лежит труп, к которому привязан самовар. А спереди - ребенок с плюшевым медведем в руках. Человек с ведром, переступающий через покойника; сцена в столовой - человек, вылизывающий тарелку и другой - собирающий со стола крошки; дежурный у ворот и т.д. без конца.

И все работы пронизаны ощущением сегодняшнего дня, его ритмом, его волнениями. Острый глаз художника сочетается с мозгом человека, живущего вместе со своим народом и глубокая, обобщающая, по-своему расценивающая действительность, мысль - с хорошим лиризмом и, несмотря на мрачность некоторых бытовых эпизодов - с юмором.

Мы застали его утомленным, забнувшим, кутающимся в какой-то платок. Он начал нам показывать свои работы, оживился, забыл про озноб. Долго водил по своей мастерской, поднялся наверх в свою старую квартиру и если бы не стемнело, вряд ли выпустил нас так скоро. Ушли мы от него в десятом часу - на улице было еще совсем светло и гораздо теплее, чем

в его мастерской.

Ровно в 12 ч. ночи за окном слышались разрывы. Очень частые - через 5-6 секунд, где-то недалеко, почти в одном направлении, временами приближались к нам. Такого интенсивного обстрела центра еще не было. Продолжалось это удовольствие ровно 25 минут.

21/IV

День без событий и впечатлений. Первая - очень короткая - гроза с небольшим дождем. Вчера, оказывается, сильно были обстреляны Выборгская сторона, Васильевский остров и район порта. Никак не могу собраться ни домой, ни к Коте.

Два часа позировал Боголюбову. Бюст по моему должен выйти удачным.

Был в библиотеке. Совершенно страшное впечатление производит Ольга Михайловна. Вряд ли протянет долго. Всю зиму человек просидел в темной и холодной /до ужаса/ библиотеке, питался так, что пользование нашей столовой считал за благо, похоронил мать, но не пропустил ни одного дня. В итоге сейчас возвращаются люди, которые всю зиму оберегали себя и выжили дома, героями ходят те, кто правдами или неправдами добывал себе добавочное питание, а она предоставлена себе самой, она никого не интересуется, она амортизирована и если умрет, катастрофы в этом никто не увидит. Страшно! Звериный закон, звериная логика, звериная мораль. А в стационарах опекают здоровую оболочку, вроде Велевевич. Это - результат импульсивности Загурского, его мягкосердечия, искреннего желания помочь тем, чью нужду он воспринял непосредственно. Парадокс!